

Иса Айтукоев

Мой Дагестан, моя Сибирь

Первое, чем у меня интересуются, узнав, что я живу в Красноярске, — это про национальный парк « Столбы », достопримечательность Саянских гор, сиенитовые скалы, каким-то образом принявшие облик исполинских великанов, животных и мифических существ.

Но, к своему стыду, несколько десятков лет живя в этом прекрасном, разделённом великой рекой Енисей на две части городе, я с глубоким сожалением признаюсь, что ни разу не сподобился там побывать.

Из окна своего дома это заповедное место я видел ежедневно. И часто давал себе зарок, что в ближайшие выходные дни непременно там побываю.

Аналогичная ситуация и с тем, что, когда узнают, что я чеченец из Дагестана, многие восклицают: « О, у вас там такое прекрасное высокогорное озеро Казеной! » Ну не бывал я и там!

С женой на Кавказ мы поехали вместе впервые. За два с половиной десятка лет как-то никак не получалось. Сначала не позволяло финансовое положение семейного бюджета, а когда начали появляться мало-мальски лишние деньги, старались отдохнуть за границей, где круглый год лето.

Потом военные действия в Чечне отбили охоту.

Только на Кавказе стало относительно спокойно и боевые действия окончательно завершились, Татьяна загорелась поехать со мной в мой очередной отпуск на мою родину:

— Полмира объездила, а в Чечне и Дагестане ни разу не была. Да и родных твоих давно не видела.

Встретили её, конечно, как родную. Все мои родные — от родителей, братьев и сестёр до многочисленных родственников и односельчан — по многу раз бывал у нас в гостях в Сибири.

В аэропорту Махачкалы она была единственная, кого встречали с шикарным букетом пышных алых роз. Не принято у чеченцев дарить цветы.

Когда у чеченца спрашивают, почему он никогда не дарит девушке или жене цветов, он с усмешкой отвечает: « Какая щедрость — траву дарить?! »

Сибирякам это трудно понять, с такими ценами за букет. На Кавказе эти розы на каждом шагу — всех видов и оттенков.

О, как я любил в детстве гулять по улицам Хамавюрта: от каждого двора тянуло плещущимся

благовоением душистых пионов и уснащённых ароматом бутонов роз.

Даже закрыв глаза, шагая по улице, можно было определить, чей дом ты проходишь в данный момент. Каждый хамавюртовец старался, чтобы его цветы отличались от остальных. Какое-то негласное соперничество, неофициальный культ цветов. Иногда казалось, что в мире нет таких сортов роз, как в нашем селе.

Таня хоть и засмушалась таким поступком несентиментальных кавказцев, но, с восторгом приняв, обняла дурманящую охапку роз от Ризвана, которого не видела лет пятнадцать.

— Ой, Ризван, как ты повзрослел! — узнала она своего любимчика и потеряла его белый, как снег, от седины чуб.

За разговорами не заметили, как пролетели два часа в дороге, и мы оказались дома в объятиях моих братьев, сестёр и племянников, которых у меня... ой как много!

Октябрь на Кавказе обычно месяц тёплый и даже жаркий, но нам не повезло. Год выдался не ахти — неделю лили проливные дожди.

Я был огорчён: кроме как съездить в гости к родственникам, что-либо другое никак и не запланировать. А так хотелось показать жене красоту Кавказских гор. Как-то даже немного неловко, когда она увидела, что наше селение находится на равнине, а горы очень далеко.

— Какие же вы горцы? — смеялась она. — Вы степняки. Красноярцы больше горцы, чем вы.

И правда, все мои земляки, прилетая в Красноярск, удивлённо усмехались, увидев Саянские отроги:

— Это мы-то горцы?!

На седьмой день, хоть и было облачно, погода сжалась над нами. Солнце не пекло, но периодически баловало своими тёплыми лучами. И когда вдали показался бело-серебристый, со своими снежными вершинами Кавказский хребет, жена, изумлённо уставившись на это великолепие, тихо прошептала:

— Вот бы туда... в горы съездить...

Я понимал, что это далеко, несмотря на то что визуально казалось — рукой подать, но загорелся желанием сделать приятное Тане.

Через пару-тройку дней уже улетать, а мы, кроме как у тётки в соседнем селе, нигде и не были.

Мой младший брат, Ильман, на мой порыв что-то пробубнил, из чего я понял: его это не вдохновило. Но Руслан, его старший сын, меня поддержал охотно:

— А что, дядя, давайте я повезу вас!

Руслан начал сборы, несмотря на недовольные вздыхания и сопение отца. Но Ильман, с юных лет привыкший безапелляционно меня «опекать», когда я приезжаю, не мог уступить прерогативу даже сыну.

— Ты же желал поехать на Казеной, — как бы между прочим заметил он.

Зная его характер и понимая, что он сейчас начнёт настаивать на этом, я согласился:

— До хребта мы сегодня однозначно не доберёмся. Было бы неплохо на Казеной...

Братишка сразу взял инициативу на себя и начал складывать необходимые вещи в багажник.

— Хамзату надо позвонить, — твёрдо изрёк он, набирая номер телефона друга. — Он бывал в тех краях и хорошо знает дорогу.

Я опять согласился. Хамзат — парень весёлый, душа компании. Едва найдётся город или село в Чечне и Дагестане, где он не бывал. Они одноклассники и неразлучные друзья, да и в дороге он надёжный товарищ.

Пока шли сборы и ждали Хамзата, солнце решило побороться с тучами и не уступать в лидерстве, начало припекать, и мы сняли лёгкие курточки и положили их в багажник. Погода в горах изменчива, может от плюс тридцати опуститься до плюс пятнадцати. Случается, что может не только резко полить дождь и побить градом, но и летом целый день валить снег.

Хамзат задерживался, и когда он вошёл во двор, брат ворчливо пробубнил:

— Ты через Миндерлу, что ли, шёл?

Мне стало смешно, что он употребил красноярское выражение.

— А что это означает — через Миндерлу? — решил узнать я у брата.

— Не знаю, — стал пояснять он. — Милиционеры из Красноярска на блокпосте так выражаются. Что-то матерное, наверное.

— Это селение под Красноярском, — засмеялся я. — У нас так говорят, когда человек долго задерживается.

До города Шали, некогда самого большого селения в мире, как утверждали сами шалинцы, получившего статус города совсем недавно, мы доехали спокойным ходом за час. Почаёвничав в кафе, тронулись на Харачой, за которым заканчивалась равнина и начинались горы.

— Немного напоминает Красноярск, — съязвила Таня. — А то степь да степь кругом...

На въезде в село остановились у памятника одиноко сидящему у дороги горцу и пасущемуся рядом коню.

— Это знаменитый абрек Зелимхан Харачоевский, — начал рассказывать Хамзат Татьяне.

— Можешь не утруждать себя, — перебил его Ильман. — Она слышана о нём не меньше тебя.

Напившись родниковой воды из рядом бьющегося источника, коих в этих краях очень много, и налюбовавшись родовым селом неувлимого абрека, мы тронулись дальше. За селом закончился асфальт и начиналась дорога из белого гравия, но хорошо укатанная и ухоженная, без пыли и ямок.

— Видишь вон те облака? — обратился Хамзат к госте, указывая на небо. — Скоро мы окажемся выше их.

Таня недоверчиво посмотрела на меня, я кивнул утвердительно.

— А сколько ещё километров до озера? — поинтересовалась жена.

— Чуть больше тридцати.

— О, скоро доедем! — обрадовалась она.

— Я бы так не сказал, — улыбнулся Руслан.

— В смысле? Объясни, — удивилась Таня.

— Это не объяснить, это нужно видеть! — как будто объявляя тост, воскликнул Хамзат.

Если описывать то, что оказалось впереди, я бы напомнил слова Ленина: «Шаг вперёд, два шага назад». А чтобы приблизительно объяснить красноярцам, как доехать до озера, то это как бы раз пятьдесят прокатиться из Красноярска в Емельяново и обратно.

Такого серпантина я не видел ни в одной стране, где я бывал.

Крутые спуски, подъёмы, опаснейшие повороты за поворотами. Казалось, что за очередным изгибом дорога закончится и мы полетим в пропасть или в конце каждого подъёма — в небо.

— Н-да, ясно, почему враги годами бились и не могли захватить Чечню, — мотая головой, сказала Таня. — Тут и Сусанина не надо, здесь сами горы — Сусанины.

Благо, что Ильман за рулём, его «десятка» под ним на этих каскадах — как конь под жокеем. Дорога не позволяла отвлекаться ни на секунду, братишка точно вжился в руль.

Вспомнились его слова, когда я получил водительские права и учился ездить: «Ты станешь настоящим водителем тогда, когда почувствуешь, что ты не в машине, а на ней. Она под тобой, а не ты в ней». Я только через несколько лет понял, что означали эти слова.

Через час, после очередного взвоза, решили немного перекурить.

— Голова уже кружится от этой карусели, — глубоко вздохнув, улыбнулся Ильман.

— Тётя Таня, посмотрите вниз, — позвал Руслан к краю косогора.

— Это те самые облака? — удивилась жена.

Под нами, закрывая горные ущелья, медленно проплывали бело-голубые ватные овечки, лошадки и стаи больших птиц.

От Харачоя до озера — эти три десятка километров — мы ехали более двух часов. Ни одного села, только как клубок — лента дороги.

Вокруг только девственные зелёные горы, заросшие травой, дикими цветами, кустарником и изредка невысокими деревьями.

Нас на протяжении всего пути удивляла газопроводная труба, проложенная через все эти ущелья и пропасти. Куда она идёт? Только когда подъехали к озеру и увидели одиноко стоящее строение типа альпийского шале, поняли и были ошарашены: ради этого домика потрачено столько труда и средств!

Мы проживаем в центре краевой столицы в частном секторе, в городе с миллионным населением, и обогреваемся углём.

Военные действия в Чечне закончились буквально год назад, а следов руин и разрухи не видно нигде. Всюду газифицировано, электроосвещение, асфальтировано, и кругом чистота, даже окурка нигде не увидишь.

Говорят, что водители автобусов и такси из соседних регионов, подъезжая к Чечне, предупреждают пассажиров, чтобы не вздумали выбросить в окно даже обёртку от конфет, и выдают всем пакетики под мусор.

Рассказывают, что какой-то депутат из соседней республики на подъезде к Грозному выбросил на обочину из окна своей машины пустую пачку сигарет. А через пару километров его остановили сотрудники ДПС и заставили идти за своим сором. А когда он стал возмущаться и кичиться, что он депутат народного собрания республики, ему спокойно указали: «Вот и увезёшь свой мусор и выбросишь у себя в парламенте».

— Эх, вот бы вашего Рамзана нам в край в аренду на два-три месяца, чтобы порядок навёл, — мечтательно промолвила жена.

— Не в руководители дело, — заметил я, — а в людях.

Когда в аэропорту Махачкалы после посадки, покулив на припортовой площади, я стал искать, куда выбросить свой окурочок, таксисты, коих основная масса на таких местах, начали интересоваться, что или кого я потерял и ищу. Узнав причину моего метания, засмеялись:

— Э, земляк, ты в Дагестане, бросай там, где стоишь!

Потрясённый таким отношением и предложением, я не нашёл что сказать и тихо прошептал:

— Это мой Дагестан...

Озеро мы увидели издалека, как только поднялись на последнюю вершину. Среди альпийских лугов перед взором простиралась сине-бирюзовая гладь, расстеленная на несколько километров в сторону заснеженных куполов Кавказского хребта.

— Вау! — чуть ли ни одновременно закрычали все.

Картина действительно была неопишечная. Незря его называют «жемчужиной Кавказа», «загадочной Кавказ». Самое большое высокогорное озеро не только на Кавказе, но и в Европе.

Даже российский император Александр Второй, наслышавшись о величии озера, приезжал в 1871 году полюбоваться им. А дорога со стороны Дагестана, построенная по его указу, до сих пор называется Царской.

Легенд и сказаний, как оно появилось, несколько.

В одной говорится, что на месте озера в очень давние времена находился большой и процветающий аул Казеной, где люди забыли законы гостеприимства. Ангел, явившись в образе иностранца, попросился у жителей на ночлег, но его отовсюду прогоняли, и только бедная вдова, живущая на окраине села, пожалела нищего и впустила в свой дом. Утром ангел открылся вдове и посоветовал ей покинуть аул, чтобы сберечься от катастрофы, которая постигнет это место. Только вдова ушла за пределы аула, произошло землетрясение, всё провалилось под землю, и образовалось озеро. Эта легенда сохранилась как напоминание людям о законах гостеприимства.

Другая легенда, романтическая, о том, как парень по имени Козен из высокогорного аула и девушка Эйза из равнинного села любили друг друга и в скором времени планировали пожениться. Но однажды, соскучившись по своей невесте, парень пустился в путь, пошёл сильный ливень, конь оступился на узкой горной тропе и вместе с всадником сорвался, и они полетели в пропасть и разбились. Эйза, убитая горем, перебралась на место гибели возлюбленного, построила небольшую саклю и каждый день приходила к трагическому обрыву и горько плакала. От её нескончаемых слёз, как ручейки, стекающих в ущелье, образовалось озеро, по-чеченски — «ам».

Возможно, потому чеченцы называют этот водоём и Козен-Ам, и Эйзан-Ам.

Ходила молва, что это ущелье превратилось в пристанище скорбящих по погибшим мужьям и невестам вдов и невест со всей округи, и таким образом образовались близлежащие сёла и хутора.

Только мы подъехали к озеру, как небо нахмурилось, набежали чёрные тучи и полил дождь, и нам пришлось укрываться в рядом стоящем недостроенном гаражном боксе.

Пока мы перекусывали, устроив из пустой бочки столик, тучи так же внезапно исчезли, и солнце в считанные минуты не оставило и следа от зябкости.

Вода в озере была студёная, и о купании не могло быть и речи, но Таня не удержалась:

— Как можно?! Купалась в трёх мировых океанах, а тут даже ноги не намочить?!

Она сняла босоножки и, по щиколотку войдя в озеро, закричала:

— А-ай! Помнишь, купались в марте в Гибралтарском проливе?

Я тоже не удержался. Разувшись, по колено, закатав штанины, полез по колено.

— Ого! Не май месяц! Бр-р-р-р... — вскричал и я.

Скинув обувь, ребята полезли за нами, но в ту же секунду выскочили как ошпаренные, с вытаращенными глазами.

— Вы, сибиряки, совсем ненормальные? — покрутил палец у виска Хамзат.

Пока очередная туча, надвигающаяся на ущелье, не накрыла нас, мы заскочили в машину и двинулись в обратную дорогу. Но туча преследовала нас почти полпути до Харачоя.

Руслан, севший за руль, ехал осторожно и аккуратно: моросило, и кое-где стелился густой туман.

Заметив с противоположенной стороны ущелья скалистые горы, жена попросила племянника остановиться, благо и дождик закончился, и погода прояснилась.

— Посмотри, — изумлённо прошептала жена, — это же как наши «Столбы», и даже намного больше и интереснее.

— Вон там — похож на старика, — согласился я.

— А та скала — горец с бородой и носом с горбинкой, — подхватил Хамзат.

— А эта — на горянку.

Проезжая каньон, мы ещё несколько минут только и обсуждали: «А эта... а вот та...» — когда Руслан остановился и предупредил, что мы на последней вершине и скоро доедем до Харачоя.

Панорама потрясала: сверху предгорье выглядело как снежные заструги, а за ней равнина — не

вспаханная, не засаженная за годы войны жёлто-коричневая аравийская пустыня, а за тобой — белые, гордые, неприступные снежники.

— Лучше гор могут быть только горы... — восторженно сказала Татьяна.

— А ты обзывала нас степняками, — упрекнул Хамзат.

— Тётя Таня! — хитро улыбаясь, позвал Руслан. — Хотите, я вам покажу фокус?

Он снял ручной тормоз машины, стоящей на подъёме под углом тридцать градусов, и она медленно покатила вверх.

— Это как? — не веря своим глазам, сказала жена. — Такого же не может быть!

Удивлены были и мы, и поэтому каждый садился в автомобиль и лично отпускал «ручник», не веря этой аномалии.

Чтобы окончательно убедиться, что Руслан нас не разыгрывает, Ильман достал из багажника пустую пластиковую бутылку и положил её на землю. Бутылка также медленно двинулась в гору.

Дабы совершенно рассеять наши сомнения, когда мы расселись по местам и тронулись дальше, Руслан выключил двигатель, поставил рычаг коробки передач на нейтральное положение, убрал ноги с педалей:

— Ну как, всё не верите?

Вместо того чтобы скатиться назад, машина спокойно двинулась вперёд.

— Да-а, — задумчиво начала Татьяна. — Я с юных лет не могла понять стихотворение Лермонтова о злом чечене, ползущем на берег и точившем свой кинжал. Как это возможно одновременно ползти на берег и точить кинжал? Все люди в мире с горы скатываются, а чеченец, наоборот, в гору катится. Многим поразила меня Чечня, но это сверх моего понимания...

...Ах да, на «Красноярских Столбах» я так и не побывал. До сих пор люблюсь ими из окна.